

УДК 130.30

К ПРОБЛЕМЕ СМЫСЛА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ СМЕРТИ

Ю.В. Засядь-Волк

Понятие смысла индивидуальной смерти сопряжено с понятием смысла жизни. Раскрыто значение конкретно-всеобщего компонента в смыслах жизни и смерти. Смысл смерти человеческого индивида носит исторический характер. Выдвигается гипотеза посмертного личностного существования в материалистической интерпретации.

Ключевые слова: человек; жизнь; смерть; конкретно-всеобщее; смысл жизни; смысл смерти.

Содержание понятия «смысл» включает три взаимосвязанные стороны: 1) осознанное отображение сущности осмысляемого предмета, 2) оценку последнего и 3) понимание функции, выполняемой данным предметом, и результата. Следует различать «смысл» как субъективный феномен и объективные основания смысла.

Обобщая субстратное содержание и активность предшествующих форм материи, человек занимает вершину пирамиды мирового устройства и представляет собой единственное в мире существо, самостоятельно творящее собственные сущность и смысл. Предназначением человека становится сознательное управление эволюцией материи, т.е. не только усложнение социального бытия, но и преобразование окружающей природной среды и совершенствование собственных природных оснований. В силу своих содержания и функций, человек обладает высшей ценностью в мире [26, 27].

В истории общественного сознания многотысячелетний поиск ответа на вопрос о смысле бытия человеческого привел в научной философии к выводу, что смысл жизни человека (индивида, общества, социальных цивилизаций, не обязательно земного типа) состоит в полноте гуманного бытия, нескончаемо поднимаемого к высшему. Жизненный смысл человека неисчерпаем и представляет собой противоречие конечного и бесконечного. Будучи управляющим звеном мировой системы, человек актуализирует гуманистический потенциал материи, придавая тем самым смысл ее бытию. Единичное и особенные виды содержания смысла немаловажны, однако определяющим является его всеобщее содержание [подробнее см.: 8; 14; 24; 25, с. 4–7; 26, вып. 1, с. 227–228].

Человек (социальная форма материи, общество, человеческий индивид) есть интегрально-социальное образование, в котором собственно социальный уровень (социум, личность) объединяет нижележащие уровни, соответствующие ступеням предшествующей эволюционной лестницы материи, и управляет их иерархией. Заданные биологической наследственностью органы чувств позволяют индивиду воспринимать лишь отдельные объективные предметы физико-химического качества, и к выводу о наличии «бесспорных» физического и химического, а затем «неочевидных» биологического и социального субстратов человек приходит путем умозаключения: физическая и химическая, а также биологическая и социальная формы движения и развития должны обеспечиваться субстратом соответствующей сложности [28, с. 11–12]. Материальный интегрально-социальный субстрат не сводится к природным.

Объективная диалектическая связь сущностей жизни и смерти субъективно отображается в виде исторически углубляемого соотношения смыслов жизни и смерти. Строго говоря, выражение «смысл жизни человека» неточно, поскольку жизнь как таковая присуща лишь социальной биологии, а собственно социальный уровень обладает социальным бытием. Соответственно и смерть человеческого индивида разделяется на несовпадающие формы ухода в небытие — социальную и биологическую.

Биологическая смерть — необходимый компонент биологической эволюции, поскольку является, во-первых, условием естественного отбора, т.е. имманентным механизмом биологической эволюции, и, во-вторых, ограничителем биологической экспансии в окружающую среду. В обще-

ственной истории вплоть до настоящего времени биологическая смерть «повторяет» свой биологический смысл и, кроме того, будучи включенной в интегрально-социальное качество человека, служит стихийным природным механизмом общественно-исторического развития.

Социальная смерть означает прекращение (или глубокое извращение) трудовой деятельности, фундаментальное искажение функционирования и развития сознания и обрыв утверждающих личность социальных связей. Социальное ничтожество, фактическое общественное и/или личностное небытие может наступить и при сохранении биологической жизни индивида. Социальная смерть — неизбежный момент социальной эволюции: смена поколений обязательна для развития культуры — материальной и духовной. Используя биологически заданные сенситивные периоды формирования психики и телесной организации, каждый индивид овладевает исторически определенным уровнем культуры в восходящей фазе возрастного развития. Различие в темпах смены ступеней биологического и социального развития вызывает преждевременную социальную смерть. Трагедия индивидуальной смерти сопровождается людей с момента возникновения человечества.

Проблема всеобщей и особенных сущностей смерти не решена до настоящего дня: «Несмотря на успехи науки в различных областях исследований, на достижения прогресса в последние столетия, все тайны, касающиеся смерти, тайнами и остаются» [35, с. 75]. Извечная эта загадка включает два необъясненные момента: неотвратимость смерти и неизвестность относительно того, что ждет индивида после окончания его биологической жизни. Факту неизбежности «ухода» противостояла давняя идея индивидуального бессмертия, которой постоянно сопутствовала (и до сих пор сопровождает) мысль о том, что «никто не знает истины о жизни после смерти. <...> не знают ни последователи основных мировых религий, ни ученые» [32, с. 9].

Как правило, идеализм и религия признают бессмертие сознания (души) личности [34]. Традиционный материализм, отстаивая необходимость материального субстрата психики, вынужден был, во-первых, прийти к выводу о прекращении духовной (идеальной) деятельности субъекта после разрушения физического (вещественного) тела, а во-вторых, отрицать наличие парапсихологических (ψ -) явлений, ибо объяснить их на основе нейрофизиологических структур и

функций мозга невозможно. Позиция материализма искони подвергалась и продолжает подвергаться суровой критике со стороны идеализма и религии прежде всего за «научные предрассудки» — чрезмерный скептицизм по отношению к ψ -явлениям, обусловленный исторически устоявшейся гносеологической парадигмой, удовлетворяющей двум основным требованиям: материалистического сенсуализма и общенаучного критерия повторяемости опытных фактов; критике продолжает подвергаться существенное обеднение нравственного смысла жизни у смертной личности.

Метафизические крайности в решении проблемы неотвратимости смерти предполагают либо признать ее (смерти) фатальную неизбежность, перед которой остается склонить голову, либо полностью отказаться от самой проблемы как таковой и ввести идею радикального преоборения смерти, иными словами — перспективу индивидуального бессмертия [2, 37].

На протяжении общественной истории человек последовательно овладевает собственными биологическими основаниями и сознательно и неуклонно продлевает свою биологическую жизнь, отодвигая смерть настолько это в человеческих силах. Хронологическая длительность биологической жизни индивида обусловлена историческими успехами медицины и валеологии и, как показывают философские и частнонаучные социально-биологические исследования, принципиально не имеет предела, т.е. видовых ограничений продолжительности биологической жизни индивида нет [23, 39]. Угрозе социальной смерти человек противопоставляет исторически полноценное социальное развитие в восходящей возрастной фазе субъекта. Длительность биологической и социальной жизни индивида в перспективе приближается ко времени существования текущей цивилизации. Абстрактной и предельной целью указанной исторической борьбы является победа над смертью, и неизбежно возникает соблазн оценить эту абстракцию как реально достижимую.

Необычным способом неограниченно продлить жизнь — требующим, как правило, особой подготовки — становится «духовное» (т.е. не привычно вещественное, а преимущественно полевое) бытие [18, с. 398–409], связанное с отказом от потребления пищи («солнцееды»). (Рациональное объяснение данного метода преодоления смерти следует освободить от мистических элементов.)

Своеобразным решением проблемы выступает идея продолжения жизни после телесной смерти. В 1850–1930-х гг., в период общественного увлечения спиритизмом — учением, сулившим общение с душами умерших с помощью посредника-медиума, — научное сообщество раскололось на две полярно-непримиримые группы, в каждую из которых входили всемирно известные ученые. Три наиболее авторитетные в мире комиссии — английского Логического общества (1869–1870), русская под руководством Д.И. Менделеева (1875–1876) и американская Сейбертовская (1884–1887) — дали в целом негативную оценку медиумическим явлениям, при этом первая «...комиссия пришла к выводу, что предмет заслуживает более серьезного внимания и более тщательного изучения, чем прежде» [40, с. 305], однако отчет комиссии встретил публицитическое неприятие [40, с. 304–334]. Дальнейшее научное изучение спиритических явлений прекратилось, что было связано со сформированным стойким предубеждением специалистов: факты объявлялись несуществующими, а попытки их объяснения — «мистикой». Научные исследования тех лет и не могли прийти к иным выводам, в силу применяемых исторически обусловленных частнонаучных методов, отсутствия специальной аппаратуры, соответствующих условий для экспериментов и укоренившейся общепринятой научной парадигмы. Что касается временных ученых комиссий XX в., то «...последняя самая авторитетная из них, созданная Национальным научно-исследовательским советом Национальной академии наук США спустя сто лет после Сейбертовской, в 1987 году предоставила отчет, в котором утверждалось, что “научного подтверждения существованию парапсихологических явлений в исследованиях, проводимых уже свыше 130 лет”, не найдено» [40, с. 333–334]. Таким образом, частные науки современного уровня развития и материализм текущей исторической формы не в состоянии дать объяснение фактам, с которыми человечество сталкивалось издавна.

Начиная с 70-х гг. прошлого века важнейшим направлением борьбы со смертью является наступление на индивидуальное небытие, для чего, прежде всего, используются терминальные состояния (переходные между жизнью и смертью), ранее расцениваемые как смерть и относимые к небытию, однако на деле их следует отнести к особому уровню бытия. Околосмертный опыт (как обычный [6, 7], так и разделенный [21]) известен людям с древнейших времен и аналогичен

у всех мировых культур [21, с. 214]. На предсмертных переживаниях (ПСП) не сказываются расовые, географические, этнографические, возрастные, половые, культурные особенности индивидов [19, с. 76–77, 216–218].

История общественного сознания связана с мечтой о возвращении личности после ее смерти к какой-либо форме жизни [5]. Идея реинкарнации пытается устранить обесмысливание индивидуальной жизни смертью, понимаемой как полное небытие [17, 38]. Своеобразный вариант этого учения представлен концепцией А.В. Мартынова о спиралевидном характере перевоплощений, направленных к поселению души в «тонком» мире [20, с. 299–316]. В настоящее время специалисты Вооруженных сил РФ эмпирическим способом подтвердили факт реальности предыдущих жизней, однако, скорее всего, можно говорить о неких «вставках» прошлого в наличную жизнь [31, с. 290–291, 345] или о промежуточных периодах между различными воплощениями. Попытками преодолеть неизбежность смерти являются крионика [35, с. 86–98] и сохранение индивида в состоянии анабиоза (самадхи, шаматхи) [5, с. 127–161].

Относительно того, что ожидает психику человека после смерти, допустимо предположить возможность двух материалистических вариантов: 1) полная дисфункция сознания, поскольку от индивида остается лишь разлагающийся труп, 2) сохранение (длительное или кратковременное) бытия сознания в какой-либо особой форме, связанной с соответствующим субстратом (еще не открытым).

Голографическая трактовка сознания [29, 36] признает волновую природу деятельности субстрата сознания и в материалистической интерпретации позволяет продвинуться в объяснении необычных явлений сознания. В перспективе мыслятся попытки обнаружить и использовать гипотетические голографические посмертные копии личности. Самым совершенным «прибором», способным обнаружить необычные явления действительности, оказывается человек. Индивиды с развитыми парапсихологическими способностями заявляют о возможности посмертных контактов [33, с. 241–330, 346], однако академическая наука не приемлет подобных данных в силу неповторимости экспериментов. В то же время экстрасенсы предупреждают о ненаблюдаемости эффекта в присутствии недоброжелательных свидетелей [40, с. 88–89, 197]. Последнее обстоятельство указывает на субъективный компонент эксперимента, в связи с чем возникает гносеологиче-

ская проблема материалистической трактовки результатов опыта. Достоверная трактовка объективной сущности подобных явлений особенно усложняется, так как при ПСП зрительные впечатления возникают даже у людей с врожденной слепотой [19, с. 72–73, 125–137].

В настоящее время проверенных частнонаучных данных все же недостаточно, чтобы сделать неопровержимое заключение о посмертном существовании личности. Однако допустимо оценить реальность некоторых гипотез в терминах всеобщего. Императивный — по отношению к теоретическим конструкциям — характер эмпирического материала заставляет согласиться с абстрактной теоретической возможностью сохранения некой разновидности сознания, продолжающей существовать на базе невещественной части социального субстрата после смерти вещественного тела индивида [6, 7, 21, 22]. Продолжительность существования виртуальных форм личности остается неустановленной; по-видимому, она меняется при переходе от одной такой формы к другой. Нельзя исключить перспективу — при наличии соответствующего инструментария, который надо будет создать, — повторного воплощения ранее жившей личности или ее фрагментов в какой-либо не известной нам сейчас форме. Фантастическая мечта Н.Ф. Федорова начинает обретать возможность осуществления, пока еще предельно абстрактную. Реставрация умерших индивидов будет связана, по-видимому, с громадными затратами энергии, подобными объемами которой человечество в настоящее время не владеет [4, с. 10 и др.]. Вероятное научное открытие субфизической формы материи сулит перспективу подобным ожиданиям.

Введение в сферу науки (философской и частных) вышеуказанного эмпирического и теоретического материала, включая экспериментальное подтверждение гипотезы сохранения голографической копии личности после разрушения вещественной части интегрально-социального субстрата индивида, обусловит переход к новой, более высокой исторической форме научного материализма, в которой потребуются обогатить значения понятий объективной и субъективной реальностей, т.е. придать большую определенность конкретно-всеобщему содержанию этих понятий и усложнить трактовку их взаимосвязи.

В соответствии с глубокой догадкой Г. Гегеля Всеобщее может быть выражено с различной степенью полноты абстрактно- и конкретно-всеобщими понятиями [3, с. 112].

Воспроизведенное в субъективных понятиях объективное конкретно-всеобщее (КВО), помимо абстрактно-всеобщего (АВО), содержит одновременно моменты особенного и единичного, соотношение же конкретно-всеобщего, особенно (ОС) и единичного (Е) диалектично: так, «...единичность, поднятая во Всеобщее, получает способности всеобщего, а Всеобщность, спустившаяся к единичному, получает черты единичного» [16, с. 145]. Признак принадлежности к одному и тому же целому (Ц) присущ каждой части (Ч) данного целого и, следовательно, является *общим*. Частичность, взятая как момент общего (О), в то же время диалектически неразрывна со своими признаками Е и ОС и, следовательно, синтезирует отношения О–ОС–Е и Ц–Ч, а применительно к масштабу мира, где функционирует Всеобщее (ВО), синтезирует ВО–ОС–Е и Ц–Ч. Охватывая признак целостности, конкретно-всеобщее выступает одновременно и как всеобщее, и как целое. Конкретная всеобщность включает моменты особенности и единичности абстрактно-всеобщих свойств единства и специфичности происхождения всех предметов объективного мира из одной и той же материальной субстанции (СБ), а также моменты конкретно-исторических особенности и единичности аспекта ухода в небытие (НБ) [подробнее об этом см.: 1, с. 24; 8, с. 87–92; 15, с. 272–276, 279–281]

$$\text{КВО} = f(\text{АВО}, \sum \text{ОС}', \text{Е}', \text{Ц}', \text{Ч}', \text{СБ}', \text{НБ}'),$$

где штрихами отмечены моменты соответствующих видов содержания, включенные в КВО. (В истории философии абстрактно-всеобщее философское знание, в силу своего характера стремящееся к абстрактному объективно-истинному пределу, сменяется знанием конкретно-всеобщим, обладающим в принципе бесконечной глубиной.)

Смысл смерти зависит от понимания структуры материи и ее атрибута — развития. Парадокс развития разрешается путем введения в состав материи актуального и потенциального уровней и способности к самоусложнению, т.е. тенденции движения от низшего к высшему [27, с. 256–257]. Если предположить, что до своего появления в высшем на актуальном (действительном) уровне добавочное содержание высшего присутствует в низшем потенциально в тождественном своему актуальному состоянию объеме и в готовом виде, то суммарное содержание высшего и низшего остается неизменным, и, следовательно, развития в точном значении термина, т.е. *возникновения* но-

вой сложности, не происходит, а имеет место лишь простое передвижение законченного и ранее глубинно скрытого потенциального содержания на проявляемое актуальное «обозрение» (что в данном варианте и получает название развития). В случае этого исходного предположения материя понималась бы метафизически застывшей, «закаменевшей». Отличие подобной трактовки материи от спинозовской состоит лишь во введении актуального и потенциального уровней, а подлинное возникновение нового содержания, реальное творчество материи в этой трактовке отсутствует. Однако если считать добавку сложности, входящей в состав потенциального уровня, *возникающей*, то придется ввести добавочный потенциальный уровень в структуру самого потенциального, иначе сказать — потенциальное в потенциальном. Применительно же ко всей аккумулятивной структуре целостного высшего и всем ступеням «лестницы развития» — аналогично и непрерывно. Логично полагать, что подобно иерархически устроенному актуальному, где уровни образуют нечто вроде уходящей в бесконечную глубь собственной «упаковки», потенциальный уровень имеет аналогичную структуру, но с иной иерархией уровней. Материя окажется представленной двумя содержательными бесконечностями — актуальной и потенциальной.

В этом, последнем, варианте смерть как переход в потенциальное, в небытие, выступает в виде сложнейшего сущностного феномена, смысл которого уходит в бесконечность. Два направления смертоборческих усилий человека — продление актуальной (действительной) интегрально-социальной жизни и атака на мнимое небытие (субъективно не отображаемое, но объективно существующее бытие) — будут сопровождаться систематической, неизменной победой над каждой исторически наличной формой смерти и неустранимой встречей с исторически новой, более глубокой формой (уровнем) смерти. Развитие невозможно без отказа от устаревшего содержания уходящей ступени. Но статус устаревшего будет распространяться преимущественно на особенное и единичное содержание, абстрактно-всеобщее при этом останется практически неизменным, конкретно же всеобщее будет исторически интенсивно углубляться. Поэтому, в силу диалектики индивидуального и общественного, смерть индивида не оказывается «чисто» индивидуальной и «полностью законченной».

Различие биологической и социальной смерти позволяет подойти к разрешению нравственного

парадокса смерти, сформулированного русской философией: смерть есть, но ее не должно быть (В.Д. Кудрявцев-Платонов) [30, с. 114–116]. Биологическая смерть неизбежна, неотвратима, ибо биологический способ бытия не имеет самостоятельных средств ее преодоления, человек же, сознательно управляя социальной биологией, в принципе неограниченно продляет свою биологическую жизнь, чем обуславливает безостановочное социальное развитие, социальное бессмертие.

Ребенок и здоровый взрослый молодого или зрелого возраста далеко не случайно неосознанно ощущают себя бессмертными, несмотря на то что разумом понимают неотвратимую конечность своей жизни. Такое ощущение помогает нестесненности исторических и возрастных дерзаний личности. В факте ощущения бессмертия сказывается действие абстрактно-всеобщей родовой сущности человека, принципиально не имеющей конкретных («роковых») ограничений продолжительности своего бытия. Абстрактная необходимость ухода в небытие сохраняется в силу неумолимой смены ступеней развития в закономерном мировом процессе. Конкретно-всеобщий характер человеческой сущности связывает смерть с исторической ограниченностью объема знаний и с конкретно-исторической практической неспособностью человека продлить жизнь.

Осознание «справедливости» персональной смерти также носит исторический характер, ибо в связи с исторической пролонгацией индивидуальной жизни будет меняться понимание сущности смерти индивида и ее необходимости. В обозримой перспективе открывается абстрактная гипотетическая возможность *сознательной смерти* в форме преднамеренной трансформации биологических оснований личности в условиях, когда сформированные в определенную цивилизационную эпоху нейродинамические мозговые структуры перестают отвечать возросшим социальным требованиям.

Помимо трех известных форм социального и биологического бессмертия — в делах, потомстве и памяти живущих — подлинное, буквальное бессмертие индивид сможет обрести, если человечество научится встраивать исторически сформированную личность в исторически новую личностную структуру, для чего потребуются перестройка биологических оснований исторически отживающих индивидов. В данном случае прежняя личность перестанет, строго говоря, существовать и, следовательно, будет испытывать соци-

альную смерть, — однако неполную, ибо старая личность сохранится в «снятом» виде. При этом необходимо успевать «добираться» до все более глубоких природных оснований личности прежде, чем будут исчерпаны возможности исторически достигнутых, современных умений. В противном случае имеющиеся способности личности не будут соответствовать исторически новым потребностям личностного развития. Здесь вступит в силу закон рекурсивного развития, состоящий в развитии высшего на базе преобразований низшего с последовательно возрастающей глубиной сознательного воздействия собственно высшего на иерархию низших уровней [8, с. 48].

В понятиях всеобщего итоговая неизбежность смерти детерминирована неразрывной связью бытия и небытия, и в то же время бесконечное историческое развертывание жизненного смысла объясняет историческую неисчерпаемость смысла смерти. Оба этих смысла по-новому раскрывают свою глубину на каждой последующей восходящей ступени развития человеческой сущности — общественной и индивидуальной. Реальное решение проблемы заключается не в стремлении достигнуть буквального бессмертия личности, а предполагает последовательность исторически меняющихся способов преодоления смерти [9, 10, 11, 12, 13]. Подобно абсолютной истине индивидуальное бессмертие выступает в виде предела, предполагающего бесконечное и разнообразное движение к нему.

Проблема смысла смерти не имеет в настоящее время и в принципе не может иметь «окончательного» решения. Неисчерпаемая иерархически организованная сущность природы и бесконечный потенциал человека обуславливают неограниченное историческое развитие смысла жизни и сопряженного с ним исторически меняющегося смысла смерти.

Список литературы

1. Барг О.А. Живое в едином мировом процессе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. 227 с.
2. Вишев И.В. На пути к практическому бессмертию. М.: МЗ-Пресс, 2002. 324 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 502 с.
4. Дяттерев Н.Д. Потусторонний мир: миф или реальность? СПб.: Невский проспект, 2003. 160 с.
5. Ершова Г.Г. В поисках бессмертия. От египетской Книги Мертвых до феномена ламы Итигэлова. М.: Эксмо, 2009. 448 с.
6. Жизнь после смерти: сб. ст. / под. ред. П.С. Гуревича. М.: Сов. писатель, 1990. 320 с.

7. Жизнь земная и последующая / сост. П.С. Гуревич, С.Я. Левит. М.: Политиздат, 1991. 415 с.
8. Засядь-Волк Ю.В. Возможно ли научное решение проблемы смысла жизни? // Вестник Томского государственного университета. Философия, социология, политология. 2010. № 337. С. 43–50.
9. Засядь-Волк Ю.В. К проблеме смысла жизни и смерти // Новые идеи в философии. Вып. 14: Актуальные проблемы научной философии: межвуз. сб. науч. трудов (по материалам Междунар. науч. конф. Пермь, 14–16 апр. 2005 г.): в 2 т. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. Т. 2. С. 51–59.
10. Засядь-Волк Ю.В. К проблеме смысла смерти // Сб. науч. тр. SWorld по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Научные исследования и их практические приложения. Современное состояние и пути развития. '2011». Т. 26: Философия и филология. История. Геология. Одесса: Черноморье, 2011. С. 40–51. URL: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/philosophy-and-philology-311/philosophical-antropology-3> (дата обращения: 29.04.2013).
11. Засядь-Волк Ю.В. Конкретно-всеобщее содержание смысложизненной проблемы // Доклады СО АН ВШ. 2003. № 2(8). С. 87–94.
12. Засядь-Волк Ю.В. О различиях в понимании смысла смерти // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 6(13): Исторические науки, философские науки, искусствоведение, культурология, политические науки, юридические науки и методика их преподавания: в 2 ч. Ч. 2. С. 72–74.
13. Засядь-Волк Ю.В. Об историческом характере смысла индивидуальной смерти // сб. науч. тр. SWorld по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития '2012». Вып. 3. Т. 29. Одесса: КУПРИЕНКО, 2012. ЦИТ: 312–842. С. 21–26 URL: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/imprint-collections>. (дата обращения: 29.04.2013).
14. Засядь-Волк Ю.В. Проблема смысла жизни в истории философских учений // Социальная онтология России: сб. науч. статей по докл. V Междунар. Копыловских чтений / под ред. В.В. Крюкова, В.Г. Новоселова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. С. 50–74.
15. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
16. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. М.: Русская книга,

2002. Т. I: Учение о Боге. 448 с.
17. *Калужин А.В.* Реинкарнация — учение о перевоплощении душ. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. 221 с.
 18. *Клюев А.В.* О смысле человеческого существования. М.: Профит Стайл, 2012. 416 с.
 19. *Лонг Дж.* Доказательство жизни после смерти. М.: Эксмо, 2012. 320 с.
 20. *Мартынов А.В.* Философия жизни. Исповедимый путь к богочеловечности. СПб.: ЮР.В.АН, 2001. 400 с.
 21. *Моуди Р., Пери П.* Проблемы вечности: Абсолютно новые доказательства жизни после смерти. М.: София, 2011. 256 с.
 22. *Налчаджян А.А.* Загадка смерти. Очерки психологической танатологии. СПб.: Питер, 2004. 224 с.
 23. *Никонов А.П.* Формула бессмертия. На пути к неизбежному. М.: ЭНАС; СПб.: Питер, 2012. 720 с.
 24. *Орлов В.В.* История человеческого интеллекта. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. Ч. 3: Современный интеллект. 184 с.
 25. *Орлов В.В.* История человеческого интеллекта: учеб пособие / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2012. 188 с.
 26. *Орлов В.В.* Основы философии. Ч. 1. Общая философия: учеб. пособие. в 2 вып. / ПГНИУ. Пермь, 2012. Вып. 1. 231 с.; Вып. 2. 197 с.
 27. *Орлов В.В.* Проблема системы категорий философии: монография / ПГНИУ. Пермь, 2012. 262 с.
 28. *Орлов В.В., Васильева Т.С.* Труд и социализм. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1991. 204 с.
 29. *Прибрам К.Х.* Язык мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. 2-е изд. М.: Либроком, 2010. 466 с.
 30. *Пугачев О.С.* Этический контекст проблемы бессмертия в русской религиозной философии (конец XIX – начало XX вв.). Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 1998. 167 с.
 31. *Ратников Б.К., Rogovin Г.Г., Фонарев Д.Н.* За гранью познанного: Антология. М.: НОУ «Академия управления», 2010. 388 с.
 32. *Рэндлс Дж., Хок П.* Потусторонний мир: жизнь после смерти. Исследования и свидетельства. М.: АСТ: Астрель, 2008. 287 с.
 33. *Сафонов В.И.* Невероятное. М.: Физкультура и спорт, 1993. 400 с.
 34. *Смерть и жизнь после смерти в мировых религиях / сост. Дж. Ньюзнер.* М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2007. 123 с.
 35. *Соболь А.А.* Тайны смерти и бессмертия. М.: Эксмо, 2011. 192 с.
 36. *Талбот М.* Голографическая Вселенная: Новая теория реальности. М.: София, 2011. 416 с.
 37. *Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С.* Таблетка бессмертия, или как выключить счетчик возраста. М.: АСТ: Астрель, 2007. 125 с.
 38. *Хаммерман Д., Ленард Л.* Реинкарнация. М.: АСТ: Астрель, 2007. XXVIII. 370 с.
 39. *Человек в единстве социальных и биологических качеств / отв. ред. А.А. Гусейнов.* М.: Либроком, 2012. 384 с.
 40. *Шаров А.С., Винокуров И.В.* Два лика неведомого. М.: Олма-Пресс: Звездный мир, 2006. 384 с.

TO THE INDIVIDUAL DEATH MEANING

Yury V. Zasiad-Volk

Novosibirsk State Technical University; 20, K. Marx av., Novosibirsk, 630073, Russia

The notion of individual death meaning is conjugated with the notion of life meaning. The importance of concrete-universal component in meanings of life and death is described. The individual death meaning has a historical character. The hypothesis of post death personal existence in the materialistic interpretation is put forward.

Key words: human being, life, death, concrete-universal, meaning of life, meaning of death.